

и талант. Первые имели относительную стабильность и старательно принуждали всех к порядку, а вторые балансировали на грани бессмысленной смерти и постоянно требовали соотносить порядок с порядочностью. В одном из писем к Аттику 51 г. Цицерон так пишет об этом: «Что касается меня, то я обессилен до такой степени, что предпочел бы жить под властью тирана среди этого покоя, в котором мы теперь чахнем, нежели сражаться, имея наилучшие надежды» (Cic. Att., II, 141.2)¹.

Сохранившиеся тексты Цицерона представляют собой обширный корпус, который включает широкий спектр жанров и обсуждаемых вопросов: от поэзии до философии образования. Впечатляющее количество дошедших до нас писем Цицерона близким, друзьям, союзникам и соперникам «дает нам возможность изнутри и в перспективе увидеть композицию его сочинений»². Переписка Цицерона содержит ряд его педагогических идей и выводов, многие из которых не всегда явно проявляются в сочинениях и речах. Письма Цицерона многое говорят о его настроениях, мотивах, намерениях, страхах, чаяниях, а часто и об отчаянии, охватывающем их автора. Эпистолярное наследие Цицерона имеет множество измерений, среди которых педагогическое измерение по странному стечению обстоятельств вызывает не самый большой исследовательский интерес.

Письма Цицерона позволяют оценить политическую обстановку того времени, погрузиться в повседневность, содержат информацию о содержании утраченных сочинениях античных авторов, а также позволяют составить представление о состоянии дел в сфере образования и культуры. Во многом такая панорамность видения древнеримских реалий определена тем, что Цицерон был не только образованнейшим человеком своего времени, но и крупным богатым землевладельцем. По разным данным Цицерон имел от полутора до двух десятков усадеб, которые легко покупал и продавал³. Усадьбу близ Путеол и тускуланскую усадьбу Цицерон называл своими «Академиями», несмотря на то, что в каждой из загородных

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 119.

² Bishop C.V. Greek scholarship and interpretation in the works of Cicero: dissertation in Classical Studies Presented to the Faculties of the University of Pennsylvania in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy, 2011. — P. 12.

³ См.: Кузищин В. И. Земельные владения Цицерона // Научные доклады высшей школы. Сер. ист. наук. — 1958. — № 3. — С. 137.

усадеб любил предаваться ученому досугу. Прежде чем выделить в письмах Цицерона ключевую тему — организации его «приусадебных Академий» по греческому образцу — считаем необходимым обратить внимание на особенности эпистолярного наследия Цицерона, а также кратко охарактеризовать его адресатов и читателей, многие из которых после смерти Цицерона сделали его эпистолярное наследие доступным для современности.

Эпистолярное наследие Цицерона: масштабность и педагогичность. Через полтора века после смерти Цицерона римский интеллигент Плиний Младший включает в одно из своих писем стихотворение, содержащее следующие строки: «Что века и потомки наши смогут / С Цицероновым лишь сравнить наследством...» (Plin. Ep. III.21.5)¹. В этом письме Плиний оценивает масштабность всего наследия Цицерона, не выделяя отдельно его письма, которые он очень высоко ценил.

О масштабе эпистолярного наследия Цицерона свидетельствует то, что переписка велась практически ежедневно, а иногда отсылалось несколько писем в день разным адресатам. Утраченные письма Цицерона Помпею, Цезарю, Октавиану, Бруту и многим другим составляют почти такой же объем, который включен в опубликованные сборники его писем. Во многих письмах Цицерон поясняет адресатам, что хочет быть правильно понятым в условиях, когда нельзя доверять письмам все свои мысли. На фоне многочисленных иносказаний и отсылок к личным беседам ярко выделяются письма, где Цицерон позволяет себе эмоциональные и политически опасные откровения: «Царицу я ненавижу; что я по праву так поступаю, знает Аммоний, поручитель за ее обещания, которые имели отношение к науке и соответствовали моему достоинству, так что я осмелился бы сказать о них даже на народной сходке» (Att., XV, 15)². Прямое и столь резкое высказывание о Клеопатре в письме Аттику в Рим (13 июня 44 г.)³ является, скорее, исключением, чем правилом. Цицерон подчеркивает, что римский интеллигент не может мириться с ситуацией, когда правящие несерьезно относятся к науке и ее представителям.

¹ Письма Плиния Младшего /пер. с лат. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура, и В.С. Соколова. — М.: Наука, 1950. — С. 100.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1951. — Т. III. (годы 46–43) — С. 281.

³ Все даты в тексте относятся к периоду до н.э., что не указывается во избежание нагромождений.

В письмах Цицерон обсуждает не только политические коллизии и повседневные вопросы, но и использует переписку как утешение для себя и других в трудные минуты. В частности, письма с начала марта 45 г., когда Цицерон удален из Рима в свое поместье, демонстрируют его ежедневные терзания и «по частоте и неформальности тона близки к современным электронным письмам»¹. В коротких письмах-записках, похожих на современные отрывочные электронные сообщения в стиле «Привет! Как дела?», часто содержатся наставления близким и педагогические идеи, которые он хотел бы в дальнейшем более подробно обсудить с ними.

Несмотря на то, что переписка Цицерона изначально не была предназначена для распространения или публикации, древнеримские границы конфиденциальности были несколько шире современных. Государственная почтовая служба отсутствовала, и письма во времена Цицерона доставлялись несколькими регулярными способами: через военных курьеров, частную почтовую доставку, личных почтовых курьеров знати (в лице вольноотпущенников или рабов) или друзей, путешествовавших в нужном направлении. Своевременность, регулярность и надежность доставки корреспонденции подтверждает то, что Цицерону удавалось поддерживать связи со своими адресатами на значительных расстояниях — с Аттиком в Эпире, с Квинтом в Галлии или Британии, С Брутом в Македонии и т.д. Иногда Цицерон «писал быстрые бессодержательные записки просто потому, что слышал об отъезде подходящего посыльного, и ему не хотелось упускать эту возможность»².

Во многих письмах Цицерон поясняет адресату, что в не может сообщить многого, видимо, опасаясь любопытности курьера или перехвата корреспонденции. Он использовал несколько уровней конфиденциальности: скреплял письма печатями, переходил в тексте писем на греческий язык, чтобы получить большую возможность открыто высказаться, использовал кодовые слова, иносказания и псевдонимы, сжигал некоторые полученные письма или сохра-

¹ Baltussen H. A grief observed: Cicero on remembering Tullia // *Mortality*, 2009. — Vol. 14. — No. 4. — P. 358. Пробелы в переписке Цицерона, чаще всего, вызваны серьезными эмоциональными потрясениями. В середине февраля 45 г. до н.э. дочь Цицерона умирает и всякая переписка прекращается на время принятия им этого горя и возобновляется снова, когда в письмах к Аттику Цицерон выражает боль, отчаяние, разочарование и жалость к себе.

² Nicholson J. The Delivery and Confidentiality of Cicero's Letters // *The Classical Journal*, 1994. — Vol. 90. — No. 1. — P. 35.

нял их, скрепляя уже своей печатью. Утрата конфиденциальности вне дома воспринималась много болезненнее, чем внутри него: Цицерон младший регулярно просматривал письма отца, а сам Цицерон — письма брата, часто блокируя его отправления, если считал содержание писем грубым или опасным. Пояснение необходимости открывать письма, адресованные близким, сводилось к фразе, высказанной сыном Цицерона: «вдруг в них есть что-то, о чем мы должны знать». Кроме того, конфиденциальность многих писем Цицерона была условной еще и потому, что из-за проблем со здоровьем он часто надиктовывал свои письма рабам, прибавляя в конце своей рукой лишь небольшой извинительный постскриптум. С некоторых писем Цицерон снимал конфиденциальность — например, разрешая свободное циркулирование копий его писем между друзьями с целью распространения новостей, или создавая «открытые письма» для широкого распространения¹. К концу жизни Цицерон начал пересматривать вопрос конфиденциальности переписки: «Известно, что он сохранил копии собственных писем, по крайней мере, важных, возможно, с целью опубликования, для ссылок в дальнейшем или на случай, если оригиналы были потеряны или уничтожены в пути»². Более подробно о планах Цицерона относительно публикации своих писем мы скажем чуть ниже.

Письма Цицерона традиционно сравнивают с письмами не менее известного римского интеллигента — Плиния Младшего — который также много рассуждал о современном положении дел в образовании. Через полтора века после смерти Цицерона Плиний пишет свои письма с целью прижизненно их опубликовать. В одном из писем другу он указывает на письма Цицерона как на образец: «Положение у меня ведь не то же, что у Марка Туллия, следовать примеру которого ты меня зовешь. У него имелся богатейший талант, и таланту этому соответствовали разнообразные и великие события, тогда происходившие» (Plin. Ep. IX, 2. 2)³. Письма Плиния и Цицерона объединяет желание наставить читателя по ряду актуальных вопросов и вразумить друзей и близких. По формальным признакам письма Цицерона и Плиния сближает и то, что оба выбирали местом ученого досуга свои тускуланские усадьбы, о чем неоднократно сообщали адресатам. Умение Плиния эффектно

¹ Nicholson J. The Delivery and Confidentiality of Cicero's Letters // The Classical Journal, 1994. — Vol. 90. — No. 1. — P. 61.

² Ibid. P. 34.

³ Письма Плиния Младшего. Кн. I-X / пер. с лат.; отв. ред. А.И. Доватур — М.: Наука, 1982. — изд. 2-е. — С. 157.

выступать публично хорошо известно его современникам, поэтому он хочет через письма продемонстрировать им и потомкам свой уровень владения письменной речью. Цицерон преследует ту же цель в сочинениях, но, в отличие от Плиния, не хочет превращать письма в предварительно продуманные и четко выстроенные художественные произведения. Цицерон хочет быть услышанным конкретным человеком, а потому не всегда заботится о композиции письма и красоте слога, приближая, тем самым, рассуждения на педагогические темы к реальной жизни.

В качестве примера сопоставим несколько фрагментов из писем Цицерона и Плиния. В первых двух фрагментах они рассуждают о выборе учителя для близких им молодых людей. В письме Маврику Плиний пишет: «Найти учителя детям твоего брата? Мог ли ты дать мне поручение более приятное? Благодаря тебе я возвращаюсь в школу: я словно опять переживаю те чудесные годы; сижу, как бывало, среди юношей и проверяю, каким авторитетом пользуюсь у них за свои занятия. Недавно в многолюдной аудитории в присутствии многих людей нашего сословия молодежь расшалилась и раскричалась вовсю; я вошел — все замолчали. Я не упоминал бы об этом, не будь это больше к их чести, чем к моей, и не желай я тебя обнадежить: сыновья твоего брата смогут получить хорошее образование. Остается мне переслушать всех учителей и написать тебе, что я думаю о каждом» (Plin. Ep. II.18.1–2)¹. Цицерон в письме брату Квинту пишет об обучении своего сына — Цицерона Младшего: «...твой и наш Цицерон — ревностный последователь своего ритора Пэония, человека, думается мне, очень опытного и хорошего. Но, как ты знаешь, мой способ обучения несколько более ученый и богаче общими положениями. Поэтому я не хочу препятствовать Цицерону в его продвижении и в этом обучении, да и самого мальчика, по-видимому, более влечет и восхищает этот род упражнения в красноречии; так как я и сам отдал ему дань, то позволим и ему идти нашим путем; уверен, что он придет туда же, куда и я; все же, если я увезу его с собой куда-нибудь в деревню, то привью ему свои приемы и навыки» (Cic. Q. fr., III, 3)².

В следующих двух фрагментах Плиний и Цицерон рассуждают о финансовой подоплеке одного из любимых римских зрелищ —

¹ Там же. С. 39.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 237.

гладиаторских боях¹, которые оба считали бессмысленным времяпрепровождением для малообразованной толпы. В письме Помпею Сатурнину Плиний задает вопрос: ради себя или ради других мы совершаем те или иные поступки, особенно если оценивать их берем, видя, что они оказались бесполезны или не достойны благодарности. Всякому замыслившему «одарить общество даром полезнейшим, но не столь приятным», как считает Плиний, нужно адекватно соотносить границы своей щедрости с границами своего самолюбия: «Вдобавок к этому я обещал ежегодно выдавать сумму не на театральные представления и не на гладиаторов, а на содержание свободнорожденных детей. Представления, услаждающие глаз и ухо, не нуждаются в рекомендации: тут людей надо не возбуждать словом, а скорее сдерживать; чтобы человек охотно взял на себя докучный труд воспитания, этого следует добиваться не только наградами, но и особо подобранными увещаниями» (Plin. Ep. I.8.10–11)². Цицерон в письме к Аттику поздравляет его с удачной покупкой гладиаторского отряда: «Ты купил прекрасный отряд. Мне рассказывали, что гладиаторы бьются удивительно. Если бы ты захотел отдать их в наем, то после последних двух боев ты вернул бы свои деньги» (Cic. Att. IV, 4a)³. На первый взгляд Цицерон рассуждает очень прагматично и действия «ради себя» рассматриваются им в более узко понимаемых границах щедрости. Однако делается это отчасти потому, что он поднимает эту тему в письме, а не в сочинении, где ему более комфортно рассуждать о жизни человека как театре, в который сам Цицерон пришел взять на себя тот самый «докучный труд воспитания» и рискуя удалиться отнюдь не под аплодисменты⁴.

¹ Гладиаторские бои были для бедных увеселительным зрелищем, а для богатых — хорошим бизнесом. Богатые римляне приобретали гладиаторов и за деньги предоставляли их в распоряжение эдилов или частных лиц для использования их в общественных играх.

² Письма Плиния Младшего. Кн. I-X / пер. с лат.; отв. ред. А.И. Доватур. — М.: Наука, 1982. — изд. 2-е. — С. 9.

³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 227.

⁴ Цицерон достаточно часто после описания в письме особенностей ученого досуга переходил к вопросам досуга азартного, обсуждая успехи гладиаторских отрядов Аттика (см. напр.: Cic. Att., I, 6; Cic. Att., IV, 8). Непроницаемого барьера между этими двумя делами не было не только в письмах, но и в жизни: деньги, вырученные от организации второго вида досуга, быстро перенаправлялись римскими интеллигентами на организацию досуга первого типа.

Одним из главных адресатов Цицерона, к которому он демонстрировал наибольшую душевную привязанность, был Аттик, сестра которого была замужем за Квинтом Цицероном. Аттик был другом, который не просто вникал в карьерные и семейные дела Цицерона, но и отчасти вел эти дела. Аттик оказывал Цицерону содействие в покупке земельных участков и антиквариата, руководил строительством его дома и усадеб, курировал бракоразводный процесс дочери Цицерона Туллии с Публием Корнелием Долабеллой, а также оказывал финансовую поддержку при обучении сына Цицерона в Афинах. В письмах к Аттику Цицерон часто извиняется за грубость брата по отношению к сестре Аттика, его импульсивность и недальновидность в политических и семейных решениях. Цицерон видит в Аттике наставника и стремится с его помощью стать таковым для своего брата Квинта и маленьких Цицеронов¹.

Аттик был первым читателем многих сочинений и речей Цицерона, за что тот постоянно благодарил его в письмах, иногда по-доброму иронизируя. В одном из писем Цицерон в шутку назвал Аттика Аристархом — знаменитым критиком II в. до н.э., известным своим разбором поэм Гомера (Cic. Att., I, 14.3), а в другом — тем, кто делает его речи «еще аттичнее» (Cic. Att., I, 13)². В одном из писем 54 г. Цицерон пишет о доставке другу книг своего сочинения «О моем времени»: «Этой частью моей жизни и деятельности я всецело обязан тебе: чего бы я ни достиг в будущем в своих литературных, в своих научных занятиях, с давнего времени доставлявших мне наслаждение, — все это с величайшей охотой отдам на суд тебе, который всегда любил» (Cic. Fara., 1, 9)³. Примечательно, что эти слова адресованы не Аттику, а Публию Корнелию Дентулу Спинтеру, который своими стараниями заслужил от Цицерона, скорее, политическое уважение⁴. Слова благодарности именно в такой эмоциональной тональности по отношению к Аттику многократно присутствуют

¹ В письмах это слово во множественном числе обозначает его сына и племянника, а в единственном — только сына, Марка Цицерона Младшего.

² Игра слов: в имени Помпоний Аттик Тит слово «Аттик» было прозвищем, которое демонстрировало любовь ко всему греческому и древнему.

³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 330.

⁴ Публий Корнелий Дентул Спинтер — выдающийся оратор, политик и образованный человек своего времени — если и играл некоторую роль в ученом досуге Цицерона, то это была роль второго плана, никак не сравнимая с ролью Аттика. Спинтер испытывал дружескую и политическую симпатию к Цицерону. Он приложил много стараний для возвращения Цицерона

в письмах Цицерона, который, вероятно, еще с большим жаром говорил это другу лично.

Еще одним адресатом Цицерона являлся его образованный раб и секретарь, а затем вольноотпущенник Тирон, который после получения свободы частично взял имя своего хозяина, став Марком Туллием Тироном, и написал его биографию. В круг обязанностей Тирона входило хранение в хронологическом порядке писем патрона. 9 июля 44 г. Цицерон пишет Аттику письмо такого содержания: «Не имеется никакого сборника моих писем, но у Тирона есть примерно семьдесят писем, и некоторые следует взять у тебя; мне нужно их пересмотреть и исправить, только после этого они будут изданы»¹ (Cic. Att, XVI, 5). Это письмо подтверждает, что за полтора года до смерти у Цицерона появляется идея выборочно издать свои письма в виде небольшого сборника, в который будет включено лишь то, что он сам отберет и отредактирует. Менее чем за год до этого письма к Аттику Цицерон написал письмо Тирону, из которого ясно, что тот уже начал работу с письмами²: «Вижу, о чем ты стараешься: ты хочешь, чтобы и твои письма были включены в свитки» (Cic. Fam., XVI, 17)³.

Значительную часть писем Цицерона трудно назвать личными, поскольку они объединяют простоту обсуждения бытовых вопросов со сложностью деловых переговоров. Многие из адресатов, к которым Цицерон обращается за советом или у которых просит совета сам, выполняли функции распространителей его сочинений. В частности, таковыми были Аттик и Долабелла. Поручив своим рабам переписывать сочинения античных авторов, Аттик нажил часть своего состояния благодаря книжной торговле и приложил много

из изгнания, возвращения ему земельного участка и выплаты компенсации за разрушенный дом.

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1951. — Т. III. (годы 46–43) — С. 302.

² Роль Аттика и Тирона в реализации этой задумки после смерти Цицерона значима, но неоднозначна для оценок. Осторожный и обеспокоенный своей безопасностью Аттик хорошо знал, что друг тщательно хранил его письма, которые вдруг неожиданно исчезли для потомков. Подозрение не могло не пасть на Аттика, который, помимо этого, вполне мог противиться опубликованию и некоторых писем Цицерона, по которым легко можно было восстановить части писем самого Аттика. Преданный Цицерону Тирон, после смерти патрона много лет работал над сборником его писем, бережно храня копии писем Цицерона к Аттику и даже запрашивая некоторые у Аттика, чтобы сопоставить черновики и оригиналы.

³ Там же. С. 190.

сил, чтобы сочинения Цицерона получили широкое распространение при его жизни. В условиях отсутствия публичных библиотек и книжных сетей, «путь, который книга проделывала из рук ее автора к широкому кругу читателей, в значительной степени регулировался дружескими связями и социальными обязательствами»¹. Именно об этом Цицерон и пишет Аттику, например, в письме от середины июня 60 г., где дает ему прямое поручение помочь в «публикации» одного из его сочинений: «Ты же, если книга тебе понравится, позаботишься о том, чтобы она была и в Афинах и в прочих городах Греции, ибо она, кажется, может придать моим действиям некоторый блеск»² (Cic. Att., II.1.2). «Публикация» для Цицерона и его современников подразумевала то, что автор давал близким людям разрешение на копирование, хранение и распространение своих текстов. Письма Цицерона демонстрируют то, что избирательно подходил к выбору таких людей и целенаправленно просил многих из них поспособствовать распространению его сочинений в римских провинциях³. Римский историк Корнелий Непот, ознакомившись с внушительным количеством выстроенных в хронологическом порядке писем Цицерона к Аттику написал: «Кто прочитал бы их, тот не очень нуждался бы в связной истории тех времен»⁴. Непот немного идеализирует, но связность истории римского образования в письмах Цицерона также отчасти присутствует.

Греческие приусадебные Академии Цицерона: организация пространства ученого досуга. В переписке Цицерона можно выделить педагогические рассуждения разного уровня: от мелких бытовых поручений о покупке необходимых для ученых занятий книг до контуров новой образовательной теории. Постараемся обозначить

¹ Murphy T. Cicero's First Readers: Epistolary Evidence for the Dissemination of His Works // The Classical Quarterly, 1998. — Vol. 48. — No. 2. — P. 495.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 77.

³ Именно эту роль большей частью выполнял Долабелла, бывший некоторое время мужем дочери Цицерона. О его непростом характере и сложностях, которые сразу появились в семье Цицерона с появлением Долабеллы, он пишет Аттику в Рим из Требульской усадьбы в письме от декабря 50 г.: «Что еще? А вот: зять приятен мне, Туллии, Теренции; сколько угодно ума и обходительности — этого достаточно. Прочее, о чем ты знаешь, следует переносить» (Cic. Att., VII, 3. 12).

⁴ Доватур А.И. Собрание писем Цицерона // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 405.

некоторые из них, по возможности выстроив в хронологическом порядке письма Цицерона, которые проливают свет на его притязания на римского основателя новой Академии.

В «Тускуланских беседах» Цицерон, отдавая дань «учебным поездкам» в Грецию, говорит о возможности появления в Риме новой рощи Академа, если много римлян действительно захотят этого. «Цицерон приглашал всех желающих на первый в истории Древнего Рима философский факультет. Обращение к *plures* и *oones eruditi* свидетельствует о том, что римский автор рассчитывал на большое количество «студентов». Другими словами, Цицерон не хотел, чтобы его соотечественники занимались столь важными предметами тайком и каждый в своем «углу», и еще меньше — чтобы те немногие, кто уже может похвастаться определенными познаниями в этих областях, хранили бы полученное философское образование за печатью греческого языка»¹. Сады Академа, как казалось Цицерону, вполне могли возникнуть в Риме, где философия наконец-то сможет в полном объеме реализовать свою просветительскую функцию. Во многих сочинениях, желая очертить учебный план для гуманитариев, Цицерон подчеркивает, что первыми в жизни молодого римского интеллигента Академиями являются домашние Академии, и их «учебный план», разработанный главой семьи, является базовым. Так, например, в «О государстве» Цицерон четко говорит об этом устами Сципиона, «получившего благодаря заботам отца весьма широкое образование и уже в отрочестве загоревшегося стремлением к учению, однако изощрившего свой ум гораздо больше благодаря своей деятельности и наставлениям, полученным дома, чем благодаря чтению книг» (*Cic. R.p. I.22.35*)².

Некоторые письма из переписки с Аттиком и близкими проливают свет на особенности домашней «академической педагогики» Цицерона и позволяют оценить его роль как наставника для семьи. В нескольких письмах 68–67 гг. Цицерон обращается к Аттику с просьбой оказать содействие в покупке антиквариата для внутреннего убранства одной из его усадеб. Из переписки становится ясно, что Цицерон хочет оборудовать в усадьбе пространство для ученых занятий наподобие древнегреческого гимнасия. Следует отметить, что в тускуланской усадьбе Цицерона было два «гимнасия»,

¹ Батлук О.В. Философия образования в Древнем Риме: дисс. ... канд. филос. наук. — М., 2001. — С. 48.

² Цицерон. О государстве / пер. В.О. Горенштейна // Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 19.

которые были названы им «Лицей»¹ и «Академия»² в честь известных греческих философских школ. Об этом разделении он пишет в сочинении «О дивинации»: «Эти и некоторые другие вопросы мы часто обсуждали, и более основательно недавно, когда мы, я и мой брат Квинт, были в моем тускуланском имении. Мы прогуливались в Ликее (это название верхнего гимнасия), и Квинт сказал...» (Cic. Div. I.V. 8)³. Чуть ниже Цицерон приводит фрагмент из своего поэтического произведения, где Урания восхваляет Цицерона-консула: «Вполне признавали / Это и те мудрецы, что в тени Академовой рощи / Или в блестящем Ликее досуг посвящали науке / О добродетели радостно. Много они изложили / Славных учений из мудрого сердца. Тебя же, в расцвете / Юности вырванного из среды их, отечество, вызвав, послало / В гущу борьбы за все доблестное» (Cic. Div. I. XIII. 22)⁴. Этот фрагмент объясняет желание Цицерона строить свои маленькие приусадебные Академии в стиле известной поговорки: если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе. Иными словами, если служение отечеству вынуждает его оставаться в Риме, а не посвящать досуг науке в Греции, то Академии и Лицеи будут сотворены им везде, где он будет придаваться ученым занятиям.

В письме от ноября 68 г. он пишет Аттику в Афины относительно своей тускуланской усадьбы: «Если сможешь разыскать какие-либо украшения, подходящие для гимнасия, пригодные для известного тебе места, пожалуйста, не упускай их» (Cic. Att., I, 6. 2)⁵. Во второй половине февраля 67 г. Цицерон снова пишет Аттику на ту же тему и из письма понятно, что дело по оснащению гимнасия движется: «Поэтому отправляй, пожалуйста, мне в возможно большем числе и возможно скорее и гермы, и статуи, и прочее, что покажется тебе достойным и того места, и моего усердия, и твоего тонкого вкуса, особенно же то, что ты сочтешь подходящим для гимнасия и ксиса. Ведь я так увлечен этим, что ты должен помогать мне, — хотя, пожалуйста, от других лиц заслуживаю осуждения» (Cic. Att., I, 8.2)⁶. Становится понятным масштабность задумки Цицерона: его гимнасий будет

¹ Именно в «Лицее» находилась библиотека Цицерона.

² Усадьбу близ ПUTEОЛ Цицерон также называл своей Академией, что создает некоторую путаницу при чтении его писем.

³ Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. — С. 194.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 8.

⁶ Там же. С. 10.

состоять из нескольких помещений и ксиса — крытой галереи, которая в греческом гимнасии выполняла функцию места для проведения занятий в плохую погоду. В этом письме Цицерон пишет Аттику сумму, которую потратил на украшение гимнасия, и дает понять, что этот проект будет не из дешевых, поэтому многие осудят его за это.

В письме Аттику между мартом и апрелем 67 г. Цицерон пишет, что с нетерпением ждет мраморные статуи и гермы: «Все, что бы ты ни достал в этом роде и что покажется тебе достойным Академии, посылай мне без колебаний... Вещи этого рода доставляют мне наслаждение. Я ищу то, что особенно подходит для гимнасия» (Cic. Att., I, 9. 2)¹. В письме, написанном между апрелем и июлем 67 г., Цицерон пишет Аттику: «Прошу тебя как можно более удобным способом погрузить мои статуи и гермераклы², о которых ты пишешь, а также прочее, что тебе удастся найти и что подойдет для известного тебе места, особенно же то, что покажется тебе нужным для палестры и гимнасия. Ведь я пишу тебе, сидя там, так что само место вдохновляет меня» (Cic. Att., I, 10.3)³. В письме Аттику от начала 66 г. Цицерон пишет о том же с одним важным дополнением: «То, что ты пишешь мне о гермафине, очень радует меня. Именно это украшение подходит для моей Академии, ибо Гермес служит общим украшением всех гимнасиев, а Минерва — отличительное украшение этого гимнасия. Пожалуйста, как ты и пишешь, украшай это место и другими предметами в возможно большем числе. <...> Если когда-либо начну богатеть, украшу Кайету» (Cic. Att., I, 4.3)⁴. В середине июля 65 г. Цицерон снова делится с Аттиком своими впечатлениями, не жалея эмоций: «Твоя гермафина очень восхищает меня. Ее поставили так красиво, что весь гимнасий кажется посвящением богине. Я очень люблю тебя» (Cic. Att., I, 1.5)⁵.

В этих трех письмах масштаб задуманного еще более расширяется, поскольку Цицерон упоминает о палестре и Кайете. Очевидно, что он полностью не отождествляет гимнасий и палестру, как делали его соотечественники. Но тогда не совсем понятно, что именно он хочет делать в этом секторе, поскольку палестра предполагала

¹ Там же. С. 11.

² Гермераклы и далее гермафины — разновидность статуй в виде четырехгранных столбов с головой Геракла или Афины Паллады соответственно.

³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 12.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 18.

организацию спортивных поединков. Кажется мало вероятным, что Цицерон хочет организовывать в своей усадьбе место для борьбы и кулачных боев. Скорее всего, палестра была одним из секторов его гимнасия, где не было никаких упражнений атлетов, а просто было место для отдыха от учебных занятий. Примечательно, что в письме 67 г. Цицерон сначала просит у Аттика ускорить доставку вещей для его гимнасия и только потом — вещей для внутренней отделки дома. В письме 66 г. Цицерон просит у Аттика покупать для него и присылать еще больше предметов греческого искусства, потому что у него есть задумка в дальнейшем украсить ими Кайету — город, недалеко от которого находится усадьба Цицерона в Формиях. В письме от 65 года Цицерон горячо благодарит Аттика за сделанной для его гимнасия, который все больше и больше приобретает черты красиво обустроенного места для ученых занятий.

Многолетняя увлеченность, с которой Цицерон занимается гимнасием, указывает на то, что он видит в нем далеко не элемент декоративного украшения своей усадьбы. Конечно, в этой задумке есть элемент римского прагматизма. Цицерон часто хвалит Аттика и друзей за покупку предметов греческого искусства для его дома по удобоваримой цене или откровенно торгуется относительно предстоящих приобретений. В письме Марку Фадию Галлу предположительно в 61 г. Цицерон, только приехавший из арпинской усадьбы, укоряет его за покупку для него дорогих статуй. Приведем обширный фрагмент, который требует небольшого комментария: «Во-первых, я никогда не оценил бы этих самых муз так высоко и сделал бы это с одобрения всех муз. Однако это подошло бы для библиотеки и соответствовало бы моим занятиям. Но где у меня место для вакханок? «А они красивы». Знаю прекрасно и часто видел их. Если бы они нравились мне, то я, давая тебе поручение, прямо назвал бы эти известные мне статуи. Ведь я обычно покупаю те статуи, которые украшают у меня участок на палестре ради подобия с гимнасиями. А к чему мне, поборнику мира, статуя Марса? Радуюсь, что не было статуи Сатурна. <...> Право, как раз за эту сумму я гораздо охотнее купил бы заезжий двор в Таррацине, чтобы не всегда обременять хозяина» (Cic. Fam., VII, 23.2–3)¹.

За рассуждения такого рода, которых достаточно в письмах к разным адресатам, современные исследователи прозвали Цицерона

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1951. — Т. III. (годы 46–43) — С. 195–196.

скупым псевдоценителем греческого искусства. В этом есть доля правды, поскольку изрядна доля цинизма в переписке с Марком Фадием Галлом относительно антиквариата, никогда не допускается в письмах Цицерона к Аттику, который искренне любил все греческое. Однако если попробовать перенести содержание этого письма в современные реалии, то даже самого искреннего любителя древних книг (заменяем статуи на книги), могла бы возмутить покупка другом дорогих и ненужных для него экземпляров, которые будут не больше, чем украшением полок в тщательно собранной библиотеке. Возмущенный любитель вполне мог эмоционально ответить, что ему ни к чему книги Маркса и Гегеля по цене небольшой подмосковной дачи, особенно с поправкой на то, что он изучает постмодернизм. Современных читателей не должно смущать то, что Цицерон пишет о создании своего места для ученых занятий «*ради подобия*» с гимназиями. В этом утверждении нет ничего предосудительного, если речь идет не только о внешнем, но и о внутреннем подобии.

Если организация в доме сектора на греческий манер и была данью моде того времени, но Цицерон гнался за ней с умом, в отличие от многих его современников. Незадолго до написания приведенных нами писем к Аттику в речи против Гая Верреса «О предметах искусства» (70 г.) Цицерон называл стремление подсудимого скупать или забирать силой антиквариат болезненным безумием или просто — разбоем. Воскликнув свое знаменитое «О, времена, о, нравы!», Цицерон откровенно иронизирует по поводу глупости и безвкусы Верреса, который мнил себя ценителем искусства чуть ли не на уровне образованнейшего человека своего времени Сципиона. В речи Цицерон упоминает о похищении статуи греческой поэтессы Сафо, склоняя Верреса: «Ибо, помимо того, что это было само по себе редкостное произведение искусства, на ее цоколе была вырезана знаменитая греческая эпиграмма, которую этот образованный человек и поклонник греков, умеющий так тонко обо всем судить, он, этот единственный ценитель искусства, наверное, тоже утащил бы к себе, если бы знал хотя бы одну греческую букву» (Cic. Ver. I.57.127)¹. Даже если сделать поправку на то, что это судебная речь, а не личная переписка, Цицерон здесь четко выражает свою позицию: обладать предметами греческого искусства должен только образованный человек, который не просто коллекционирует, а собирает их с пониманием. Свое понимание Цицерон обозначил,

¹ Цицерон. Речь против Гая Верреса // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том I (81–63 гг. до н. э.). — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 109.

задавшись целью организовать в усадьбе место для ученого досуга, куда могли бы приходиться друзья и близкие, и где ему самому было бы приятно заниматься написанием сочинений.

В письме от сентября 54 года Цицерон наставляет брата Квинта подобным образом обустроить усадьбу, которую Цицерон купил для него недалеко от Арпины: «Цесий полагает, что ты легко оросишь пятьдесят югеров луга. Я же утверждаю — а в этом я разбираюсь лучше, — что если добавить садок для рыбы и фонтаны, а также озеленить палестру и насадить рощу, то у тебя будет удивительно приятная усадьба» (Cic. Q. fr., III, 1. II. 3)¹. В письме от декабря 54 года Цицерон снова пишет Квинту об усадьбе с элементами греческого ученого досуга: «Что касается аркской усадьбы, то она достойна Цезаря или, клянусь тебе, даже человека с более тонким вкусом; эти изваяния, палестра, рыбный садок и Нил и могут быть созданиями многих Филотимов, а не Дифилов²» (Cic. Q. fr., III, 7. 7)³. Дальше в этом письме Цицерон пишет брату о своем сыне — Цицероне Младшем — которого он отправил обучаться подальше от этих прекрасно оборудованных для ученого досуга мест. Обладающий пугающе хорошим аппетитом ученик отправлен Цицероном к греческим учителям: «Цицерона я люблю и так, как ты просишь, и как он заслуживает, и как я должен, но я отпускаю его от себя, и чтобы не разлучать его с учителями, и потому, что его мать не соглашается уехать из Аркана, а без нее я страшусь прожорливости мальчика. Тем не менее, мы очень много бываем вместе» (Cic. Q. fr., III, 7. 9)⁴. Трепетное отношение Цицерона к местам ученого досуга проявляется даже в мелочах. Ему важно, чтобы все элементы декора были уместны, и ничто не нарушало идиллию созданного им образовательного пространства, даже если иногда таковым нарушителем был его собственный сын.

Цицерон часто сетовал на то, что волею судеб его усадьбы превращены в место общественной, а не образовательной активности. В письме к Аттику от конца апреля 51 г. он пишет о своей Формийской

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 284.

² Дифил был архитектором в усадьбах Квинта, а Филотим — архитектором в доме Цицерона дом в Риме.

³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.; Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51). — С. 315.

⁴ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51) — С. 315.

усадеб: «Из сочинений, которыми ты часто советуешь мне заняться, ничего не может выйти. У меня не усадьба, а базилика...» (Cic. Att., II, 141.2)¹. Здесь Цицерон сетует на то, что его дом превратился в здание общественного назначения — римскую базилику, где традиционно среди колоннад и галерей заседает суд и осуществляются торговые сделки. Далее он поясняет, что его атакуют постоянно приходящие формийцы, но этот «простой народ» ему не в тягость, если они приходят после четырех часов. До этого времени они отвлекают Цицерона от творческого поиска и ученого досуга. Цицерон жалуется Аттику, что с соседями совершенно не о чем поговорить, и остается лишь утешаться предложением Аттика: «Приступим к чему-нибудь великому, требующему больших размышлений и досуга» (Cic. Att., II, 141.2)².

Греческие приусадебные Академии Цицерона: формирование личных библиотек. Много (и часто вынужденно) путешествующий Цицерон постоянно испытывал недостаток в книгах. Находясь в Риме или в одной из своих усадеб, Цицерон во множестве писем обращался к Аттику, брату и друзьям с просьбой организовать ему доставку необходимых для ученых занятий книг. Параллельно с этой темой в письмах Цицерона разворачивалась тема приобретения книг³ для его домашней библиотеки, которая была сосредоточена между домом в Риме и усадьбами. О том, что Квинт Цицерон также тщательно собирал домашнюю библиотеку и сопровождающих это дело сложностях, Цицерон указывает в письме к брату в Британию от 24 октября 54 г.: «Что касается пополнения — путем обмена — твоей греческой библиотеки и приобретения латинских книг, то я очень хотел бы закончить это, особенно потому, что это и мне на пользу. Но мне и для самого себя некому поручить это; к тому же и в продаже нет подходящих книг, а изготовить их может только опытный и прилежный человек» (Cic. Q. f., III, 4.5)⁴. Цицерон здесь не просто говорит, что не всегда во всем может помочь брату с этим делом, а возводит семейное коллекционирование книг поч-

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 120.

³ Еще несколькими, не менее важными темами являются тема оценочных обсуждений Цицероном древних и современных книг на педагогические темы с друзьями и близкими и тема восстановления по письмам круга чтения Цицерона в соотношении с датами написания его сочинений, отражающих ключевые педагогические идеи. Каждая из этих тем требует отдельного текста, поэтому здесь упоминаются лишь вскользь.

⁴ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51) — С. 302.

ти в ранг *res publica* — общезначимого сплывающего дела. В его письмах присутствует такая искренность описаний и оценок, что возникает иллюзия некоторого сходства Цицерона со многими современными учеными. Как и они, Цицерон радостно делится каждым фактом приобретения новой книги, вне зависимости от того, удалось ли ему купить ее в путешествии или достать через друзей.

В феврале 67 г. Цицерон из Рима пишет письмо Аттику в Афины с четкой просьбой о содействии в формировании библиотеки для ученого досуга: «Подумай, пожалуйста, и о том, каким образом собрать для меня библиотеку, как ты мне обещал. От твоего внимания всецело зависит мой приятный досуг, на который я надеюсь по приезде на отдых» (Cic. Att., I, 7)¹. Цицерон здесь просит Аттика, которого можно назвать держателем «издательства», дать задание своим специально обученным рабам переписать нужные тексты для его домашней библиотеки. Относительно библиотеки самого Аттика у Цицерона тоже были вполне четкие планы, о которых он сообщает в весной или летом того же года в письме из его «сельской Академии» — т.е. тускуланской усадьбы: «Не вздумай обещать кому-нибудь свою библиотеку, какого бы страстного любителя ты ни встретил. Ведь я откладываю все свои мелкие сбережения, чтобы приобрести это прибежище для своей старости» (Cic. Att., I, 10. 4)².

В следующем письме к Аттику уже из Рима Цицерон повторяет оба запроса, говоря одновременно о пересылке греческого антиквара и книг: «Пришли, пожалуйста, возможно скорее то, что ты приготовил для моей Академии. Не только пребывание в этом месте, но даже мысль о нем удивительно восхищает меня. Книг своих только не передавай никому. Сохрани их для меня, как ты пишешь об этом. Я испытываю сильнейшее желание получить их и в то же время отвращение ко всему прочему» (Cic. Att., I, 11. 3)³. В этом письме Цицерон в очередной раз намекает Аттику, что с радостью оставил бы форум, удалившись с книгами в одну из своих усадеб, но Цицерон-политик пока сильнее Цицерона-писателя. Немного завидующий оставившему суетный Рим во имя спокойных Афин Аттику, Цицерон все еще пытается больше наставлять соотечественников на форуме через речи, чем из дома через сочинения.

В уже упомянутом письме Аттику от начала 66 года, где Цицерон рассказывает о том, как прекрасно обустроена его маленькая «при-

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 14.

усадебная Академия», он пишет: «Книги свои сохрани и не теряя надежды на то, что я смогу сделать их моими. Если я достигну этого, то превзойду богатствами Красса и буду с презрением относиться к чьим бы то ни было доходным домам и лугам» (Cic. Att., I, 4. 3)¹. Цицерон облакает давнее желание купить библиотеку Аттика² в шутку о том, что обладание хорошей книжной коллекцией выше обладания плодородными землями. Именно с Аттиком Цицерон в середине мая 60 г. делится радостью о том, что ему достались книги из одной из домашних библиотек: «Луций Папирий Пет, честный и любящий меня человек, подарил мне те книги, которые оставил Сервий Клавдий. Так как твой друг Цинций сказал мне, что на основании Цинциева закона³ их можно взять, то я сказал, что охотно приму их, если Пет доставит их. Итак, если ты любишь меня и уверен в моей дружбе, постарайся при помощи друзей, клиентов, хозяев и гостей, наконец, своих вольноотпущенников и рабов, чтобы не пропало ни листа, ибо мне чрезвычайно нужны и те греческие книги, которые, как я подозреваю, он оставил, и латинские, которые, как я знаю, у него были. Ведь я с каждым днем все больше отдыхаю за этими занятиями в течение того времени, которое остается у меня от трудов на форуме» (Cic. Att., I, 20. 7)⁴.

Как и в других письмах, Цицерон завершает каждую материальную просьбу к Аттику отсылкой к идеальному — в данном случае, к отдыху душой за чтением, который точно не оставит друга равнодушным. В середине июня 60 г. Цицерон снова просит Аттика о доставке этих книг: «Как я уже писал тебе, Пет подарил мне все книги, оставшиеся после его брата. Судьба этого его дара зависит от твоей заботливости. Если любишь меня, постарайся, чтобы они были сохранены и доставлены мне. Ничто не может быть более приятным мне. Сохрани, пожалуйста, со всем старанием как греческие, так

¹ Там же. С. 15–16.

² Мечта о покупке библиотеки Аттика не сбывается. В письме от середины мая 54 г. из кумской или помпейской усадьбы Цицерон просит у Аттика обеспечить ему полный доступ к книгам из личной библиотеки Аттика, даже когда того нет дома (Cic. Att. IV, 14. 1). Эта вежливая просьба сделать личную библиотеку немного публичной указывает на ее большую ценность для Цицерона, много лет использующего книги друга для написания своих сочинений.

³ Цицерон упоминает о законе 204 г. до н.э., запрещавшего адвокатам брать от подзащитных какое-либо вознаграждение.

⁴ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51) — С. 77.

и латинские книги. Я буду считать, что это подарок от тебя» (Cic. Att., II, 1. 12)¹.

В декабре 60 г. Цицерон, предположительно из усадьбы в Анции, пишет Аттику письмо, немного проливающее свет на его методы работы с книгами во время ученого досуга: «Государственное устройство Пеллены» было у меня в руках. Клянусь тебе, я нагромоздил у своих ног целую гору из произведений Дикеарха². Вот великий человек! У него можно научиться много большему, нежели у Процилия. «Государственное устройство Коринфа» и «Афин», мне думается, у меня есть в Риме. Говорю тебе, прочти; уверяю тебя, это удивительный муж. Будь Герод человеком, он предпочел бы читать его, вместо того, чтобы написать хотя бы одну букву самому» (Cic. Att., II, 2.2–3)³. В этом письме Цицерон пишет о соотечественнике Героде, который написал сочинение о консульстве Цицерона. Оценка Цицероном этого труда ясна: он считает, что Героду нужно прочитать больше серьезных книг, прежде чем преступать к таким серьезным делам.

Чуть позже в декабре 60 г. Цицерон обращается к возвращающемуся в Рим Аттику со следующей просьбой: «Захвати для меня из книг брата Квинта сочинение Феофраста «О честолюбии»» (Cic. Att., II, 3)⁴. Как и сочинение Дикеарха, это сочинение не сохранилось. Однако, нас интересует не столько этот факт, сколько то, что домашние библиотеки Аттика, Цицерона и Квинта были единой библиотечной сетью, и каждый мог свободно пользоваться книгами в процессе своего ученого поиска. Подтверждает это и письмо Аттику от июля 59 г.: «От Вибия я получил книги. Поэт он неумелый и к тому же ничего не знает, но он не бесполезен. Переписываю и пересылаю тебе» (Cic. Att., II, 20.6)⁵. Речь здесь идет о книгах Александра Эфесского — автора географической поэмы в трех книгах «Европа», «Азия» и «Ливия». Его сочинения Цицерон намеревался передать рабам для переписывания и передачи в домашнюю библиотеку Аттика.

В письме Аттику от первой половины апреля 59 г. Цицерон пишет о своем отдыхе в усадьбе в Анции, которая, в отличие от усадьбы в Тускуле, в меньшей степени рассматривается им как еще одна сельская

¹ Там же. С. 82.

² Дикеарх — ученик Аристотеля и автор сочинений по истории культуры, в том числе утраченного «Государственного устройства Пеллены».

³ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51) — С. 83.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 129.

Академия. Поскольку это письмо является одним из редких беззаботных писем Цицерона, приведем чуть большие, чем полагаются для пояснительной цитаты, фрагменты из него: «Я теперь уже совсем не подтверждаю того, что обещал тебе в предыдущем письме, — что за время этого путешествия возникнет сочинение, ибо я настолько предался отдыху, что не в силах отказаться от него. И вот я либо наслаждаюсь чтением книг — а у меня приятный подбор их, — либо считаю волны, потому что для ловли макрелей погода неблагоприятна. К писанию решительно испытываю отвращение. <...> Никто тут не беспокоит меня, но все любят! <...> Мои занятия государственными делами сводятся только к тому, что я ненавижу бесчестных людей, и то без всякой горечи, но скорее с некоторым наслаждением писателя» (Cic. Att., I, 6.1–2)¹. В этом письме Цицерон поясняет, что ученый досуг для него это одновременно чтение книг и написание сочинений, но иногда в нем может присутствовать только первое, а второе на некоторое время быть отложено. В письме к направляющемуся в Рим Аттику Цицерон просит его непосредственно оценить список книг в Анции и опосредованно оказать помощь в составлении его домашней библиотеки: «Ты прекрасно поступишь, если приедешь ко мне. Увидишь удивительный перечень моих книг, составленный Тираннионом; то, что осталось, гораздо ценнее, чем я думал. Пришли мне, пожалуйста, также двух-трех человек из твоих переписчиков, которых Тираннион мог бы использовать в качестве склейщиков и помощников для прочих надобностей...» (Cic. Att., IV, 4a.1)².

В следующих письмах Цицерон благодарит Аттика за предоставленных рабов, которые привели в порядок библиотеку в Анции (Cic. Att., IV, 5), способствовал, тем самым тому, что «жилище получило разум» (Cic. Att., IV, 8)³. Одного из так впечатливших Цицерона рабов-помощников — Дионисия — Аттик ему подарил. О том, какую большую роль этот раб стал играть в ученом досуге Цицерона, можно видеть из следующего письма, где он рассказывает Аттику как они с Дионисием⁴ проводят время из Кумской усадьбы, «глотаая кни-

¹ Там же. С. 110.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 237.

⁴ О том, чем закончилась ученая дружба Цицерона и Дионисия, мы можем прочитать в осеннем письме Цицерона Публию Сульпицию Руфу 46 г.: «Кроме того, во имя нашей дружбы и во имя твоей постоянной преданности мне, прошу тебя настоятельнее обычного потрудиться также в следующем деле: раб мой Дионисий, смотревший за моей библиотекой, стоящей больших денег, украв много книг и считая, что это не пройдет ему безнаказанно, сбежал. Он находится в твоей провинции. <...> Если ты позаботишься о возвра-

ги» и ведя содержательные беседы (Cic. Att., IV, II). Одну из этих книг Цицерон высылает для чтения Аттику, а другую — Лукцию.

В другом письме от 22 апреля 55 г. Цицерон поясняет, что речь идет не о книгах из его личной библиотеки, а о книгах из библиотеки Фавста — сына Суллы и соседа Цицерона по Кумской усадьбе, имевшего в своем распоряжении богатую коллекцию сочинений Аристотеля и Феофраста. В этом письме Цицерон, в очередной раз горячо объясняясь в любви к наслаждению книжным знанием, немного рассказывает об организации места для ученых занятий в усадьбе Аттика: «Но, клянусь тебе, если государственные дела отравляют мне прочие наслаждения, то меня поддерживают и возрождают науки, и я предпочитаю сидеть у тебя в том твоём креслице под изображением Аристотеля, чем в их курульном кресле, и гулять у тебя вместе с тобой, а не с тем, с кем, как я вижу, мне предстоит гулять» (Cic. Att., IV, 10.3)¹.

Во времена тяжелых жизненных испытаний Цицерон иногда пренебрегает книгами и учеными занятиями, которые привык воспринимать как источник радости. 18 марта 49 г. он пишет Аттику из Формийской усадьбы: «Теперь поднимается любовь, теперь не могу перенести тоски, теперь мне нисколько не помогают книги, нисколько не помогают занятия, нисколько не помогают учения» (Cic. Att., IX, 10)². Нанесенным противниками и соперниками обиды Цицерон легко объяснял через чтение книг и забывал через написание собственных сочинений. Эти занятия оказались не предназначены для уменьшения душевной боли, вызванной семейным горем.

В переписке с Марком Теренцием Варроном — соседом Цицерона по усадьбам под Тускулом и Кумами — Цицерон поясняет, что в его жизни часто бывали периоды отказа от чтения книг. В письме Варрону от начала 46 г. Цицерон пишет следующее: «Итак, знай, что по приезде в Рим я помирился со старыми друзьями, то есть со своими книгами; впрочем, я прекратил общение с ними не потому, что я на них сердился, но потому, что мне было несколько совестно перед

щении его мне, не могу выразить, как мне это будет приятно: дело само по себе малое, но огорчение мое велико» (Cic. Fam., XIII, 77. 3) (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1950. — Т. II. (годы 51–46) — С. 40).

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1949. — Т. I. (годы 68–51) — С. 254.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1950. — Т. II. (годы 51–46) — С. 268.

ними; ведь мне казалось что опустившись до участия в сильнейшей смуте при самых неверных союзниках, я недостаточно повиновался их наставлениям. Они мне прощают, зовут назад к прежним дружеским отношениям и говорят, что ты, оставшись твердым в этом, был мудрее, чем я» (Cic. Fam., IX, 1.2)¹. Далее в письме Цицерон приглашает друга встретиться для содержательной беседы, но только не в Риме, а в тускульской или кумской усадьбах. В письме от начала июня 46 г. Цицерон пишет об эстетике подобных встреч для совместного книжного ученого досуга, снова приглашая Варрона к себе в тускуланскую усадьбу: «Но и об этом мы поговорим, когда у нас будет досуг... <...> Если не ты ко мне, то я примчусь к тебе. Если у тебя при библиотеке есть сад, ни в чем не будет недостатка» (Cic. Fam., IX, 4)².

В письме от 11 июня 46 г. Цицерон приглашает в тускуланскую усадьбу Аттика и просит привезти с собой книгу: «Но я хотел бы знать, сегодня ли ты выедешь, тотчас же после торгов, и в какой день приедешь. Я между тем — с книгами, но огорчаюсь, что у меня нет истории Веннония» (Cic. Att., XII, 3)³. Образ путешествующего с книгами для Цицерона Аттика постоянно появляется в письмах, каждый раз подчеркивая определяющий характер этой дружбы для творческого пути Цицерона. В одном из писем 46 г. Цицерон в шутку нападает на Аттика, который прочитал книгу Тиранниона «О просодии», не дождаввшись приезда Цицерона. Цицерон пишет, что друг может заглядить свою вину перед ним только одним способом — если пришлет ему эту книгу (Cic. Att., XII, 6.2). И далее поясняет, что сама книга не доставит Цицерону столько радости, сколько сознание того, что Аттику она так сильно понравилась.

В письме Манию Курию от августа 46 г. Цицерон поясняет, что книги часто были для него способом самосохранения: «...ведь всякий раз, как я выслушаю приветствия друзей, что происходит даже при большей многлюдности, чем бывало обычно, оттого что они, по-видимому, в гражданине с честным образом мыслей видят как бы белую птицу, я удаляюсь в библиотеку; благодаря этому я создаю труды, важность которых ты, пожалуй, оценишь» (Cic. Fam., VII, 28)⁴. В письмах 45 г. Цицерон, находящийся в своей тускуланской Академии, постоянно обращается к Аттику с просьбой прислать те или

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. — М.-Л.: АН СССР, 1951. — Т. III. (годы 46–43) — С. 376.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 391.

⁴ Там же. С. 7.

иные книги для создания своих трудов: он просит книги Дикеарха (Cic. Att., XIII, 31.2; Cic. Att., XIII, 32.2) и Федра (Cic. Att., XIII, 39), обещая взамен прислать Аттику свои сочинения.

В письме от начала августа 45 г. Цицерон пишет Аттику письмо, где есть фраза: «Итак, где то твое искусное произведение, которое я видел в Парфеноне — Агала и Брут?» (Cic. Att., XIII, 40.2)¹. Парфенонем была библиотека в доме Брута, где, видимо, Цицерон увидел родословную рода Юниев (к которым принадлежал Брут), составленную Аттиком. В этом письме присутствует небольшое, но ценное указание на то, что Цицерон и Аттик иногда менялись ролями, ожидая к прочтению сочинения друг друга. В конце декабря 45 г. Цицерон пишет Тирону письмо следующего содержания: «Я пришлю солнечные часы и книги, если будет сухая погода. Но неужели с тобой нет книжек? Или ты сочиняешь что-нибудь в духе Софокла? Постарайся, чтобы труд появился» (Cic. Fam., XVI, 18, 3)². Это письмо подтверждает то, что Тирон также был включен в библиотечную сеть, создание которой инициировал среди друзей и близких Цицерон.

Завершая анализ эпистолярного наследия Цицерона, отметим, что обозначенная нами тема — организации им «приусадебных Академий» по греческому образцу — является лишь одной из многочисленных представляющих историко-педагогический интерес тем. Изучение особенностей домашней педагогики, реализованной Цицероном для других и самого себя, позволяет переосмыслить его педагогическую концепцию воспитания культурой. Многочисленные принадлежавшие Цицерону приусадебные Академии были оборудованы всем необходимым для ученых занятий наедине с собой или в кругу друзей. Книги и предметы интерьера, подбирались и покупались Цицероном с такой тщательностью, что выдавали в нем истинного ценителя греческого искусства, а не гнавшегося за модой украшателя. Объединив домашние библиотеки друзей и близких в единую «библиотечную сеть», внутри которой свободно циркулировали необходимые книги, осуществлялось постоянное пополнение «фондов», Цицерон показал современникам пример общезначимого спланированного дела на благо *res publica*. Перефразируя Ф. Тютчева, можно сказать, что римский интеллигент заслужил «чашу педагогического бессмертия» за утверждение значимости организации учебного досуга, позволяющего образованному человеку легко пройти «и через то, что гнетет, и через то, что угрожает» (Cic. Fam., IX, 1.2)³.

¹ Там же. С. 195.

² Там же. С. 219.

³ Там же. С. 376.